
ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Русскіе философскіе журналы за 1901-й годъ.

Положеніе „Вопросовъ философіи и психологіи“ и „Вѣры и разума“ въ 1901 году. Перемены въ составѣ руководящихъ лицъ и сотрудниковъ. — Характеръ статей въ „Вопр. фил. и псих.“ за 1901 г.—Статьи о В. С. Соловьевѣ Введенскаго, Петровскаго, Лопатина, кн. Трубецкаго, Новгородцева, Рачинскаго и Геца.—Статья Вагнера о звѣрѣ въ человѣкѣ.—Полемика кн. Е. Трубецкаго съ Патражицкимъ.—Ученіе Канта о правѣ и государствѣ въ изображеніи г. Новгородцева.—Характеристика схоластики въ статьѣ Теплова.

Объ общемъ характерѣ нашихъ философскихъ журналовъ,—„Вопросовъ философіи и психологіи“ и „Вѣры и разума“,—мы говорили въ своемъ прошлогоднемъ обзорѣ. Какихъ либо существенныхъ переменъ въ этомъ отношеніи за прошлый годъ не случилось. Правда, въ составѣ руководящихъ лицъ обѣихъ редакцій перемены есть и—очень значительныя; но онѣ, во всякомъ случаѣ, пока не успѣли еще сказаться сколько нибудь замѣтными послѣдствіями. Смерть архіепископа Амвросія, основателя и покровителя „Вѣры и разума“, является тяжелой утратой для этого журнала. Въ теченіе 19 лѣтъ онъ руководилъ свое дѣтище, мудро умѣя сочетать служеніе интересамъ религіи и церкви съ истинно-философскимъ либерализмомъ и терпимостью (подробнѣе о взаимоотношеніи философской свободы и апологетическихъ задачъ въ программѣ „В. и Р.“ см. въ упомянутомъ нашемъ прошлогоднемъ обзорѣ,—„Бог. Вѣстн.“ 1901, № 3, стр. 558). Какъ будетъ относиться къ журналу новый архіепископъ,—Флавіанъ,—пока сказать нельзя; но надо

надѣяться, что и онъ не броситъ прекраснаго просвѣтительнаго предприятия своего предшественника. Редакція „Вопросовъ философіи и психологіи“ въ прошломъ году опять потерпѣла убыль въ рядахъ своихъ дѣятелей: скончался А. А. Токарскій, принимавшій весьма близкое участіе въ редактированіи журнала, и покинулъ Москву столь же важный членъ редакціи Н. А. Иванцовъ. Въ послѣдніе годы прямо какъ будто какой злой рокъ отяготѣлъ надъ психологическимъ обществомъ и его журналомъ (вспомнимъ смерть Грота, Соловьева, Преображенскаго, Корсакова): книжкамъ журнала приходится, исполняя печальный долгъ, наполняться статьями, посвященными „памяти“ то того, то другого изъ своихъ видныхъ сотрудниковъ и руководителей. Но, думается, что, не смотря на всѣ эти потери, судьбѣ и направленію журнала никакой серьезной опасности не грозитъ: дѣло поставлено прочно и пользуется безспорными симпатіями образованнаго русскаго общества, а это—уже весьма солидная гарантія успѣха и весьма цѣнное указаніе на доброкачественность установившагося направленія.

Послѣ этихъ краткихъ общихъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ болѣе выдающихся статей каждаго журнала.

А. „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Вглядываясь въ содержаніе статей „Вопросовъ философіи и психологіи“ за прошлый 1901 годъ, не можемъ не отмѣтить, какъ бросающееся въ глаза обстоятельство, преобладаніе статей по исторіи философіи и философской критикѣ надъ статьями, имѣющими предметомъ прямое и положительное обсужденіе какого нибудь философскаго „вопроса“. Отчасти это объясняется упомянутыми смертями дѣятелей русской философской мысли и необходимостью давать оцѣнку ихъ значенія въ исторіи русской философіи: изъ 44 статей, помѣщенныхъ въ 5 прошлогоднихъ книжкахъ журнала (въ этотъ счетъ не входятъ—критика, библіографія, извѣстія и замѣтки, полемика и протоколы засѣданій психологическаго общества), 18 посвящены „памяти“ В. С. Соловьева, А. А. Токарскаго и С. С. Корсакова. Съ другой же стороны, въ этомъ преобладаніи, помимо вліянія указанной причины, нельзя не видѣть доказательства сознанный важности занятій

результатами философской мысли наших предшественниковъ; лишь въ историко-критическомъ выясненіи и оцѣнкѣ сдѣланнаго другими мы имѣемъ твердую почву для плодотворной самостоятельной работы. Но, при всемъ томъ, не надо закрывать глаза и на подозрительную сторону этого преобладанія историко-критическихъ работъ: мы весьма легко можемъ подвергнуться упреку въ оскудѣніи у насъ положительной философской продуктивности, если опыты самостоятельнаго философствованія будутъ составлять лишь 16⁰/₁₀₀ общаго числа философскихъ работъ (какъ это и есть въ „В. ф. и пс.“ за прошлый годъ,—7 статей на 44).

Изъ почившихъ дѣятелей русской философской мысли наибольшее вниманіе въ „Вопр. ф. и пс.“ посвящено Вл. Серг. Соловьеву. Статьями въ память его занята вся первая книжка (кн. 56) журнала. Открывается она стихотвореніемъ кн. Цертелева „Памяти Вл. С. Соловьева“, на тему, данную въ собственныхъ стихахъ Вл. С—ча:

„Смерть и Время царятъ на землѣ,
 „Но владыками ихъ не зови;
 „Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,—
 „Неподвижно лишь солнце любви!“

(стр. 1).

Затѣмъ слѣдуетъ статья проф. А—дра И. Введенскаго: „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“ (стр. 2—35). Статья эта представляетъ собою рѣчь, произнесенную въ публичномъ засѣданіи С.-Петербургскаго философскаго общества, состоявшемся въ память Вл. С. Соловьева 3 декабря 1900 г. Въ гносеологіи Соловьева авторъ видитъ два главныхъ элемента: мистицизмъ и критицизмъ или, что то же, кантіанство, „такъ что, если угодно, говорить о нѣ, ее можно было бы назвать критическимъ мистицизмомъ, хотя точнѣй будетъ не поступать такъ, потому что 1, Кантіанскія воззрѣнія были усвоены имъ, особенно же до 97 года, далеко не въ полномъ видѣ; 2, на ряду съ ними кое въ чемъ попадаются еще взгляды рационалистовъ 17 и 18 вѣковъ съ ихъ стремленіемъ разлагать данныя нашему сознанію связи на чисто логическія, а тѣ, которыя не поддаются такому разложенію, считать кажущимися, въ дѣйствительности не существующими“ (стр. 4 и сл.). Мистицизмомъ г. Введенскій называетъ „увѣренность въ существо-

ваніи мистическаго воспріятія, а мистическимъ воспріятіемъ—непосредственное, т. е. приобретаемое безъ посредства какихъ бы то ни было разсужденій и выводовъ, знаніе того, что не составляетъ части внѣшняго міра, но что въ то же время не мы сами и не наши душевныя состоянія, и при томъ знаніе внутреннее, т. е. возникающее безъ помощи внѣшнихъ чувствъ“ (стр. 5). Критицизмъ Соловьева казался какъ въ побѣдоносномъ опроверженіи позитивизма, такъ и въ нѣкоторой прямой близости къ Канту и зависимости отъ него (стр. 13—18). Недостаткомъ Соловьевской гносеологии авторъ считаетъ отсутствіе разработанной психологии мистическаго воспріятія. Эту задачу Соловьевъ какъ бы завѣщаль нашимъ болѣе молодымъ философамъ (стр. 34). По нашему мнѣнію, называть Соловьева критицистомъ можно только при нѣкоторомъ расширеніи понятія о критицизмѣ. Конечно, критицизмъ въ настоящее время считается похвальной и обязательной принадлежностью всякаго серьезнаго философа. Но едва ли нужно, хваля Соловьева, приписывать ему такія достоинства, какихъ онъ не имѣлъ. Извѣстнаго рода вліянія Канта (прямого или косвеннаго, положительнаго или отрицательнаго) въ настоящее время не можетъ избѣжать ни одинъ философъ;—неужели всѣхъ ихъ и называть критицистами? Отрицательное же отношеніе къ позитивизму и подавно нельзя считать принадлежностью критицизма; въ извѣстномъ смыслѣ можно вѣдь и самого Канта называть позитивистомъ. Можно и должно, не умаляя заслугъ Соловьева, считать его философію такою, какою она дѣйствительно была, т. е. догматическою. Сказать это не значитъ высказать какое либо порицаніе Соловьеву, потому что и догматическія доктрины могутъ имѣть свои неоспоримыя и важныя достоинства.

Слѣдующая статья А. Г. Петровскаго — „Памяти Владимира Сергѣевича Соловьева“ (стр. 36—44)—есть рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Московскаго психологическаго общества 2 февраля 1901 года. Авторъ даетъ очень теплую и прочувствованную характеристику нравственной личности С—ва. Характеристика сдѣлана настолько искренно и убѣдительно, что читатель невольно и вполне соглашается съ заключительными словами автора: „Онъ умеръ, какъ человѣкъ, правдиво и честно совершившій свой

жизненный путь. Еще много надеждъ и стремленій было у него впереди; но и того, что онъ сдѣлалъ, было слишкомъ достаточно для силъ одного человѣка, даже столь богато одареннаго. Онъ скончался спокойно и съ глубокой вѣрой; онъ встрѣтилъ смерть, какъ отдыхъ и возрожденіе къ новой жизни. И какъ намъ ни горько потерять его, мы, думая о его смерти, должны вѣрить въ то, во что вѣрилъ онъ. Не только съ надеждой, но съ полной увѣренностью мы можемъ говорить: „миръ его душѣ“, ибо онъ нашелъ истинный миръ за той переходной чертой бытія, которая зовется смертью“ (стр. 44).

Наиболѣе полно изображается историческій генезисъ Соловьевской философіи и ея существенное содержаніе и значеніе для русскаго умственнаго развитія въ солидной статьѣ Л. М. Лопатина: „Философское міросозерцаніе В. С. Соловьева“ (стр. 45—91).¹⁾ „Русская философская мысль, говоритъ проф. Лопатинъ, съ тѣхъ поръ, какъ впервые возникли ея первые проблески въ 18 вѣкѣ, и въ продолженіе очень долгаго періода влачила существованіе несчастное и скудное. Ея главнымъ недостаткомъ было полное отсутствіе оригинальности,—самобытнаго умозрительнаго творчества, которое выразилось бы въ литературной формѣ и привело бы къ опредѣленнымъ и систематическимъ результатамъ. Русскіе философы были только послѣдователями западно-европейскихъ и притомъ послѣдователями второстепенными. Ихъ достоинство и значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія измѣряется не столько ихъ умственной силой, сколько тѣмъ, за кѣмъ они шли. У насъ были вольфганцы, были поклонники французскаго сенсуализма, было нѣсколько послѣдователей Канта и Фихте, было довольно много послѣдователей Шеллинга и особенно Гегеля. Было, наконецъ, у насъ не мало представителей богословской схоластической метафизики, также заимствованной съ запада. Къ кому изъ западныхъ авторитетовъ примыкали тѣ или другіе дѣятели русской философской мысли, это зависѣло отъ времени, въ которое они жили, отъ общественнаго положенія, которое

¹⁾ Эта статья, равно какъ и разсматриваемыя ниже статьи кн. Трубецкого, Новгородцева и Рачинскаго тоже были прочитаны, въ качествѣ рѣчей, въ торжественномъ собраніи 2 февраля.

они занимали, отъ избранной ими профессіи. Въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ нынѣ истекшаго столѣтія на смѣну поклонниковъ нѣмецкаго идеализма явились матеріалисты въ духѣ Бюхнера и Фохта и позитивисты французскаго и англійскаго типовъ. Между этими разнообразными, извнѣ навѣянными направленіями наибольшую умственную самостоятельностью отличались славянофилы; однако ихъ отношеніе къ философіи было скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ; въ своихъ общефилософскихъ взглядахъ они ограничивались отрицательной критикой нѣмецкаго идеализма, главнымъ образомъ въ формѣ системы Гегеля, и довольно ясно выраженнымъ признаніемъ полной несостоятельности всякой умозрительной философіи, если она прямо не опирается на положительную церковную вѣру. У послѣдователей другихъ направленій самобытность философской мысли представляетъ лишь рѣдкое исключеніе. Самымъ блестящимъ такимъ исключеніемъ является Б. Н. Чичеринъ, давшій вполнѣ самостоятельную переработку началъ и метода гегелевой философіи на почвѣ картезіанскаго дуализма духа и матеріи. Однако міросозерцаніе Б. Н. Чичерина получаетъ законченное литературное выраженіе лишь тогда, когда философскіе взгляды В. С. Соловьева уже совершенно опредѣлились, и когда его первыя произведенія уже увидѣли свѣтъ. Чичеринъ поэтому не былъ ни предшественникомъ, ни учителемъ Соловьева въ философіи“ (стр. 46—47). Самостоятельный относительно своихъ русскихъ предшественниковъ, Соловьевъ, по словамъ проф. Лопатина, не остался однако чуждымъ тѣмъ вліяніямъ, которыя вообще господствовали въ нашей умственной жизни, начиная съ конца 50-хъ годовъ. Онъ испыталъ на себѣ вліяніе Конта, Милля, Спенсера, Дарвина. Онъ былъ одно время самымъ горячимъ матеріалистомъ. Затѣмъ, благодаря Спинозѣ, въ немъ начинается поворотъ. Наболѣе глубокой переворотъ въ Соловьевѣ вызываетъ изученіе Канта и въ особенности Шопенгауэра. Но и увлеченіе Шопенгауэромъ миновало. Отчасти благодаря сочиненіямъ Гартмана, отчасти собственной умственной работой Соловьевъ приходитъ къ сознанию умозрительныхъ недостатковъ системы Шопенгауэра. Изученіе религіозныхъ вопросовъ толкаетъ его къ знакомству съ Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ. Особенно

сильное вліяніе оказалъ на него Шеллингъ своей положительной философіей (стр. 47—52). Подвергаясь всѣмъ этимъ вліяніямъ, Соловьевъ сумѣлъ однако сохранить свою умственную независимость. Г. Лопатинъ считаетъ его первымъ русскимъ философомъ, создавшимъ свою собственную независимую систему. Онъ даже позволяетъ себѣ сравнить его философское значеніе съ значеніемъ Пушкина для изящной литературы: „Пушкинъ первый сталъ воспроизводить не литературу о дѣйствительности, а самую дѣйствительность, какъ онъ ее понималъ, видѣлъ и переживалъ; чрезъ это онъ явился первымъ создателемъ настоящаго русскаго художественнаго слова. Соловьевъ началъ первый писать не о чужихъ мнѣніяхъ по вопросамъ философіи, а о самыхъ этихъ вопросахъ и сталъ ихъ рѣшать по существу, независимо отъ всякихъ мнѣній,—чрезъ это онъ сдѣлался первымъ представителемъ уже не отраженной иностранной, а настоящей русской философской мысли“ (стр. 53—54). Общий смыслъ всего философскаго міросозерцанія Соловьева (со стороны его положительнаго содержанія) г. Лопатинъ сводитъ къ тремъ пунктамъ: „1) къ идеѣ внутренней духовности существующаго, 2) къ идеѣ абсолютнаго всеединства и 3) къ идеѣ Богочеловѣчества“ (стр. 61 и слѣд.). Намъ нѣтъ надобности касаться подробностей въ изложеніи и характеристикѣ Соловьевскаго міровоззрѣнія г. Лопатинымъ. Замѣтимъ только, что къ изображаемому философу авторъ относится съ самымъ восторженнымъ поклоненіемъ и любовью. Это, конечно, служитъ залогомъ того, что все существенное и цѣнное дѣйствительно выдвинуто на первый планъ и надлежащимъ образомъ освѣщено; и желающимъ познакомиться съ положительной стороною воззрѣнія покойнаго мыслителя, съ его задачами и стремленіями, нельзя рекомендовать лучшаго руководства, чѣмъ разсмотрѣнная статья пр. Лопатина. Но въ объективно-научномъ смыслѣ это панегирическое отношеніе повело къ нѣкоторымъ неточностямъ и преувеличеніямъ. Такъ, авторъ, несомнѣнно, нѣсколько преувеличилъ самостоятельность С—ва какъ относительно западныхъ вліяній, такъ и относительно его русскихъ предшественниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть несправедливое игнорированіе несомнѣнной зависимости „Кризиса западной философіи“, одного изъ

весьма важныхъ, хотя и равныхъ, сочиненій В. С—ча, отъ воззрѣній покойнаго В. Д. Кудрявцева. Несправедливо, затѣмъ, проф. Лопатинъ утверждаетъ, будто „Соловьева, какъ представителя своего особаго міросозерцанія, понимали и цѣнили очень немногіе“ (стр. 541). О пониманіи, конечно, можно спорить, хотя намъ всетаки думается, что и при жизни философа понимали его очень многіе; но цѣнили его уже несомнѣнно весьма и весьма многіе, — объ этомъ свидѣтельствуеъ уже одинъ его литературный успѣхъ и знаменитость еще при жизни. И трудно сказать, больше ли будутъ понимать и цѣнить его по смерти. Другихъ примѣровъ преувеличенія мы не указываемъ, но должны оговориться, что сколько бы ихъ ни нашлось, они не настолько значительны, чтобы набрасывать тѣнь на правдивость изображенія Соловьева г. Лопатинымъ: оно несомнѣнно правдиво и лишь въ интересахъ рельефности иное сильнѣе подчеркиваетъ, а иное затушевываетъ.

Изъ всѣхъ статей о Соловьевѣ мы, не колеблясь, признаемъ самой интересной по задачѣ и увлекательной по изложенію статью кн. С. Н. Трубецкого: „Основное начало ученія В. Соловьева“ (стр. 92—111). Въ этой статьѣ авторъ хочетъ сказать „объ общемъ смыслѣ и значеніи дѣятельности Соловьева, какъ онъ самъ ее понималъ, о его собственномъ отношеніи къ той философской и религіозной идеѣ, которой онъ служилъ“ (стр. 93). Самъ В. С. Соловьевъ, говоритъ кн. Трубецкой, „началомъ философіи считаетъ, съ одной стороны, движеніе или подвигъ нашего ума, его рѣшительное обращеніе къ истинѣ, а съ другою,—его творческое вдохновеніе образомъ, идеей Истины“ (стр. 98). „Чѣмъ же, спрашиваетъ онъ, руководилась вся философская дѣятельность Соловьева, какой единый замыселъ въ ней господствовалъ, и какъ опредѣляется ближайшимъ образомъ содержаніе этого замысла, та „истина“, которою вдохновлялся В. С. Соловьевъ“? Основною идеей Соловьевской философіи онъ считаетъ религіозную идею: „Основная идея Соловьева, говоритъ онъ, идея, проникающая его метафизику, этику, эстетику и самую его публицистику, есть религіозная христіанская идея. То, чѣмъ была для Спинозы его абсолютная субстанція, для Фихте—его абсолютное Я для Шопенгауэра его міровая воля, тѣмъ было для Соловь-

ева жизненное начало христіанства. Естественно, что философская дѣятельность представлялась ему религіознымъ служеніемъ, и его личное призваніе—религіозною миссіей, „дѣломъ Господнимъ“ . „Проклять всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ“—вотъ угроза, которую онъ воспоминаетъ при исправленіи и отдѣлкѣ своихъ трудовъ“ (стр. 98—99). Такого рода философія легко можетъ показаться не оригинальною, въ ней могутъ увидѣть „простую попытку, быть можетъ, смѣлую и талантливую—воскресить средневѣковую схоластику или эклектическій платонизмъ раннихъ христіанскихъ писателей“. Легко могутъ спросить, не обращается ли здѣсь философія въ „служанку богословія“. Этотъ упрекъ и это подозрѣніе кн. С. Н. Трубецкой предвидитъ и всемѣрно старается предотвратить. „Ничего подобнаго, по его словамъ, у Соловьева не было. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ тотъ внѣшній компромиссъ между язычествомъ и христіанствомъ, въ которомъ, по его мнѣнію, состоитъ сущность средневѣковаго міросозерцанія. Онъ открыто становится на сторону враговъ такого міросозерцанія и въ разрушеніи ложнаго догматизма видитъ одно изъ существенныхъ условій для развитія міросозерцанія истинно-христіанскаго. Въ философіи, какъ и въ религіи, онъ выступаетъ горячимъ противникомъ догматизма“ (стр. 99—100). Философія, по мнѣнію Соловьева, не опредѣляется чуждыми ей догматами: „если въ своемъ исканіи истины разумъ долженъ придти къ христіанству, такъ это не потому, чтобы онъ руководствовался отдѣльными его догматами, а потому, что жизненный смыслъ философіи состоитъ во внутреннемъ соединеніи человѣческаго разума съ сверхчеловѣческой всеединой истиной“ (стр. 104).

Болѣе краснорѣчива, чѣмъ содержательна статья г. П. И. Новгородцева: „Идея права въ философіи Вл. С. Соловьева“ (стр. 112—129). Авторъ интересно излагаетъ общественно-публицистическія идеи Соловьева, его полемику съ славянофилами, но собственно философіи права у Соловьева не вскрылъ. Нѣсколько непріятное впечатлѣніе производитъ высокомѣрно-покровительственный тонъ, какимъ молодой писатель трактуетъ почтеннаго философа.

Коротенькая, но прочувствованная рѣчь Г. А. Рачинскаго:

„Взглядъ В. С. Соловьева на красоту“ (стр. 130—137) вѣрно и наглядно вскрываетъ идейную основу эстетики Соловьева: „Все его эстетическое ученіе, говоритъ авторъ, есть одна великая и страстная надежда послѣдняго воскресенія во славу и грядущей красоты царства Божія, гдѣ вѣчно будетъ сиять тріединный свѣтъ добра, истины и красоты. Онъ жаждалъ этого свѣта вездѣ и во всемъ. Не даромъ красота неодушевленной природы олицетворялась для В. С. въ образѣ вещественнаго свѣта, засіявшаго надъ мрачной бездной хаоса въ первый день творенія. Подобіемъ этого божественнаго свѣта былъ для него нашъ матеріальный свѣтъ, лучший символъ вѣчной идеи въ мірѣ матеріи, первое еще несовершенное явленіе того свѣта божественнаго разума, которымъ живо человѣчество. То былъ *φῶς ἰλαρὸν ἁγίας δόξης*, свѣтившій во тьмѣ и не объятый ею“ (стр. 136—137).

Въ этой же книжкѣ напечатанъ надѣлавшій въ свое время много шума и вызвавшій большую и страстную полемику рефератъ Соловьева о средневѣковомъ міросозерцаніи (стр. 138—152; читанъ въ псих. общ. 19 окт. 1891 г.) и содержаніе извѣстной же его рѣчи 13 марта 1881 г. на женскихъ курсахъ (стр. 153—158).

Послѣднею статьей въ этой книжкѣ стоитъ статья г. Геца: „Отношеніе Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу“ (стр. 159—198). Воззрѣнія В. С-ча характеризуются частію по его письмамъ, частію же по статьѣ—„Талмудъ и новѣйшая полемическая литература о немъ“ (Русск. Мысль 1886, N 8) и брошюрѣ—„Еврейство и христіанскій вопросъ“ (М. 1884). Содержаніе названныхъ работъ В. С-ча, полагаемъ, вообще хорошо извѣстно русскимъ читателямъ, и потому воспроизводить его по изложенію г. Геца мы считаемъ излишнимъ. Достаточно привести одну выдержку, гдѣ самъ В. С. высказывается по поводу обвиненій его въ юдофильствѣ: „Меня одни величаютъ іудофиломъ, другіе укоряютъ въ слѣпомъ пристрастіи къ еврейству. Благо, что не подозреваютъ меня въ подкупности еврейскимъ золотомъ. Но въ чемъ, хотѣлъ бы я знать, высказывается мое іудофильство или мое пристрастіе къ евреямъ? Развѣ я не признаю слабыхъ сторонъ іудейства или развѣ я оправдываю послѣднія? Обнаружилъ ли я когда либо хоть малѣйшую склонность идеализировать еврейство? Въ дѣйствительности я настолько же далекъ

отъ іудофильства, какъ и отъ іудофобства. Но я не могу въ угоду дурному вкусу и плохой нравственности закрывать глаза, чтобы не видѣть очевидныхъ фактовъ, не могу и не хочу кривить душою и сдѣлать, по примѣру антисемитовъ, однихъ евреевъ отвѣтственными за всѣ грѣхи и несчастія, постигшіе насъ. Я не скрываю, что живо интересуюсь судьбою еврейскаго народа, но это потому, что она сама по себѣ въ высшей степени интересна и поучительна во многихъ отношеніяхъ. Но иногда я заступаюсь за евреевъ? Да, только, къ сожалѣнію, не такъ часто, какъ я бы хотѣлъ и долженъ былъ это дѣлать въ качествѣ христіанина и славянина... Еврейскій вопросъ — въ сущности вопросъ правды и справедливости. Въ лицѣ еврея попирается справедливость, потому что преслѣдованія, коимъ подвергаютъ евреевъ, не имѣютъ ни малѣйшаго оправданія, ибо обвиненія, взводимыя антисемитами на нихъ, не выдерживаютъ самой снисходительной критики: они большею частію злоумышленная ложь“ (стр. 175—176). Едва ли надо доказывать, что никто лучше В. С—ча не вскрылъ всей теоретической вздорности и практической безчестности юдофобіи. Но напоминать время отъ времени его аргументацію весьма полезно. И г. Гець хорошо сдѣлалъ, что въ посвященной памяти Соловьева книжкѣ изложилъ и взгляды его на еврейство; безъ этого образъ покойнаго философа былъ бы не полонъ. Изложеніе сдѣлано правильно и документально, если не считать нѣкоторыхъ незначительныхъ утрировокъ и неточностей въ толкованіи С—ва. Для примѣра укажемъ на стр. 174, гдѣ авторъ утверждаетъ, что еврейскій народъ, начиная съ Авраама, всегда отличался необычайной смѣлостью и самостоятельностью мысли; эта то черта и роднила будто бы съ нимъ особенно В. С—ча. Что Соловьевъ былъ смѣлый и самостоятельный мыслитель, это вѣрно; но чтобы еврейскій народъ въ цѣломъ и даже хотя бы въ большинствѣ былъ таковъ, этому повѣрять развѣ только самообольщенные единоплеменники г. Геца. Развѣ мы не видимъ, что со времени послѣдняго пророка (Малахіи) самостоятельность и въ особенности независимость мысли почти совершенно исчезаютъ въ еврействѣ? Что такое Талмудъ и раввинская литература, какъ не еврейская схоластика? А развѣ послѣдняя можетъ похвалиться самостоятельностью и независимостью мысли?

Напротивъ, мы видимъ, что сравнительно рѣдкія проявленія самостоятельности и независимости мысли жестоко преслѣдуются: вспомнимъ хотя бы печальную исторію великаго мыслителя Баруха Спинозы...

Разсмотрѣнныя статьи довольно полно рисуютъ предъ нами образъ Соловьева, какъ рѣдкаго, выдающагося чело-вѣка и философа. Громадная сила ума, необыкновенная глубина чувства и, главное, рѣдкая искренность въ служеніи истинѣ и правдѣ дѣлаютъ его одной изъ самыхъ крупныхъ фигуръ въ исторіи умственной жизни Россіи за 19-ое столѣтіе. И мы увѣрены, что его еще много и часто будутъ вспоминать, а его идеи станутъ однимъ изъ существенныхъ факторовъ нашего умственнаго развитія.

Во второй книжкѣ журнала (кн. 57) помѣщены статьи: В. А. Вагнера—„Ренанъ и Ницше. О звѣрѣ въ чело-вѣкѣ“ (стр. 199—217); И. П. Иванова—„Опытъ научно-философской религіозной и соціальной доктрины“ (стр. 218—278); П. П. Новгородцева—„Нравственная проблема въ философіи Канта“ (стр. 279—314); кн. Е. Н. Трубецкаго—„Философія права проф. Л. И. Петражицкаго“ (стр. 1—33, отд. II); Ф. В. Софронова—„Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма“ (стр. 34—66); М. Н. Шварца—„Идея эволюціи въ современной философіи“ (стр. 67—80); А. Н. Щукарева—„Очерки по философіи естествознанія“ (стр. 81—98); Н. О. Лоскаго—„Недомолвки въ теоріи эмоцій Джемса“ (стр. 99—134) и П. Н. Холчева—„Объ индивидуальныхъ колебаніяхъ вниманія“ (стр. 135—148).

Съ особеннымъ интересомъ читается статья г. Вагнера. Авторъ хочетъ сказать нѣсколько словъ по поводу „переоцѣнки“ правилъ поведенія и попытокъ указать новые пути къ достиженію „новыхъ цѣлей жизни“, взазмѣнъ „утраченныхъ чело-вѣчествомъ“. Слова Ницше: „опасность твоя не малая, свободомыслящій и странникъ: ты утратилъ цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ и дорогу“, оказались, по справедливому замѣчанію автора, не столько грознымъ откровеніемъ, сколько простымъ констатированіемъ факта въ при-мѣненіи къ большинству современныхъ моралистовъ. „А если такъ, продолжаетъ онъ, если старые пути и цѣли—только призраки прошлаго, то на мѣсто ихъ надо поставить новые: если нѣтъ Бога, говорилъ Вольтеръ, то надо его выдумать...

Такихъ боговъ теперь оказывается довольно много; здѣсь насъ занимаетъ только тотъ изъ нихъ, котораго человѣческая мысль пыталась создать изъ матерьяла, сокрушившаго старые кумиры (онъ разумѣеть данныя біологіи). Эти новыя цѣли человѣчества, этотъ новый Богъ, по мнѣнію мыслителей, которыхъ мы будемъ имѣть въ виду (Ницше и Ренана)—*сверхчеловѣкъ*, а пути и средства создать его лежатъ въ путяхъ природы, создавшей звѣря въ *человѣкъ*“ (стр. 200). Отношеніе Ницше и Ренана къ „звѣрю въ *человѣкъ*“— совершенно противоположное, а потому и самый идеаль „сверхчеловѣка“ — діаметрально противоположенъ: Н. въ „звѣрь“ видитъ идеаль, Р.—препятствіе къ достиженію идеала. Не смотря на вырожденіе *человѣка*, на его паденіе, какъ типа,—Ницше возлагаетъ свои надежды въ предстоящей *человѣчеству* работѣ по пути къ созданію *сверхчеловѣка* на уцѣлѣвшаго еще въ немъ, „къ счастію людей“,—звѣря. Этотъ звѣрь, по его мнѣнію, почти поглощенъ *человѣкомъ*, и задача будущаго—освободить и возстановить его въ „*человѣкъ-звѣрь*“. По Ренану какъ разъ наоборотъ—современный *человѣкъ*, не смотря на культуру, все еще остается прежде всего звѣремъ, а потомъ уже (въ малой дозѣ) *человѣкомъ*. Задача будущаго, по его мнѣнію, создать *сверхчеловѣка*, освободивъ „звѣря-*человѣка*“ отъ звѣря и укрьпивъ въ немъ зачатокъ *человѣка* (стр. 200—201). Оба, какъ видимъ, возлагаютъ надежды на эволюцію *человѣческаго* рода. Оба они, какъ раскрываетъ авторъ, увѣрены въ справедливости біологическаго „закона“, по которому *цѣль вида—переходъ его въ типъ высшаго порядка* (ср. стр. 204. 208 и сл.). Между тѣмъ, утверждаетъ г. Вагнеръ, эволюціонная теорія не можетъ оправдывать надеждъ ни Ницше ни Ренана, и признаемаго ими „закона біологіи“ совсѣмъ не существуетъ. „Біологія не даетъ ни малѣйшаго права утверждать что либо подобное. Природа отнюдь не заботится исключительно о созиданіи совершенныхъ типовъ, принося имъ будто бы въ жертву типы менѣ совершенные. Она одинаково заботится или, вѣрнѣе, одинаково безразлична какъ къ гению, такъ и къ солитеру, который въ немъ можетъ паразитировать, предоставляя каждому устраниваться какъ могутъ въ условіяхъ жизни: устроились, приспособились,—прекрасно, цвѣтете и множитесь по мѣрѣ силъ и возмож-

ности; нѣтъ,—идите на смарку“ (стр. 204). Самъ Дарвинъ „не одинъ разъ подчеркивалъ, что его ученіе не имѣетъ ничего общаго съ теоріей непрерывнаго совершенствованія“ (стр. 213). Природа „не даетъ ровно ничего для рѣшенія вопроса о сверхчеловѣкѣ“, и ни Ренану ни Ницше „не было ни малѣйшаго основанія апеллировать къ биологии, предлагая считать сверхчеловѣкомъ именно тотъ типъ, который обладаетъ качествомъ, по мнѣнію ученаго, единственно совершеннымъ“ (тамъ же). Самъ г. Вагнеръ не сомнѣвается въ возможности развитія типа человѣка болѣе совершеннаго, чѣмъ современный нашему поколѣнію; но онъ не видитъ критерія для опредѣленія такого совершенства (стр. 217). Этотъ отрезвляющій и достаточно авторитетный голосъ натуралиста по одному изъ модныхъ и волнующихъ вопросовъ современной мысли, намъ думается, раздался весьма своевременно и кстати.

Г. Ивановъ подъ своимъ довольно претенціознымъ заглавіемъ даетъ новый этюдъ на свою старую и довольно наскучившую читателямъ тему о Сень-Симонѣ; и мы едва ли кого оставимъ неудовлетвореннымъ, пройдя эту статью молчаніемъ. По инымъ причинамъ мы минуемъ и статью г. Новгородцева. Надо сказать, что авторъ даетъ весьма интересную и съ пониманіемъ дѣла составленную характеристику общихъ результатовъ Кантовой философіи, взаимнаго отношенія его гносеологии и этики и существенныхъ свойствъ послѣдней. Но о нравственномъ ученіи Канта въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ уже писано не мало (въ прежніе годы г.г. Кирилловичемъ и Поповымъ, въ нынѣшнемъ году г. Городенскимъ). Повторять въ краткихъ, мало говорящихъ выдержкахъ изложеніе этого дов. избитаго сюжета излишне.

Полемическая статья кн. Е. Трубецкого съ удовольствіемъ и пользой прочтется всѣми интересующимися вопросами права. Петражицкій „вполнѣ достовѣрнымъ матеріаломъ для познанія существа права“ считаетъ, во-1-хъ, внутренніе психическіе акты, во-2-хъ, результаты изученія человѣческой рѣчи и человѣческихъ дѣйствій, въ-3-хъ, „всякаго рода сообщенія, повѣствованія и т. д. о дѣйствіяхъ и рѣчахъ другихъ людей“ (стр. 11). Онъ, такимъ образомъ, предлагаетъ чисто психологическій критерій для отличія права отъ неправа. Этотъ то критерій и не признаетъ достаточнымъ кн.

Трубецкой. „Основной грѣхъ цѣлаго ряда теоретиковъ, противъ которыхъ полемизируетъ г. Петражицкій, говоритъ онъ, заключается въ смѣщеніи права съ фактомъ, въ отождествленіи фактического порядка, установленнаго тѣмъ или другимъ внѣшнимъ авторитетомъ *во имя права*, съ правомъ вообще. Основной грѣхъ г. Петражицкаго заключается въ отождествленіи права съ опредѣленными состояніями человеческой души, съ *фактами* индивидуальной психологін. Разумѣется, всякій теоретикъ права долженъ считаться какъ съ тѣми психологическими фактами, изъ которыхъ исходитъ г. Петражицкій, такъ и съ тѣми социальными фактами, которые послужили точкой отправленія для его предшественниковъ; но для того, чтобы уловить сущность права, надо подняться надъ фактами въ горнюю сферу умозрѣнія. Не трудно доказать, что какъ фактически существующій правовой порядокъ, такъ и факты правовой психологін покоятся на неустранимыхъ метафизическихъ предположеніяхъ, обусловливающихъ какъ возможность всякаго конкретнаго права, такъ и возможность самаго правосознанія. Въ основѣ всякаго положительнаго права и всякой положительно-правовой обязанности лежатъ *первоначальное право* и *первоначальная обязанность*, т. е. право общества господствовать надъ личностью, связывать ея волю своими предписаніями, и—обязанность личности подчинять свои цѣли цѣлямъ общежитія“ (стр. 30—31). Это первоначальное право не есть фактъ, а постулатъ, свѣрхопытная идея разума (тамъ же): „Такъ или иначе, говоритъ въ заключеніе авторъ, вопросъ о существѣ права приводитъ насъ къ проблемѣ „права разума“, или такъ называемаго естественнаго права. Чтобы отвѣтить на вопросъ, *что такое право*, надо начать съ выясненія того правового критерія, которымъ долженъ руководствоваться нашъ разумъ, того первоначальнаго права, на которое опирается всякій внѣшній авторитетъ и всякое внѣшнее законодательство“ (стр. 33).

Статьи г. г. Софронова и Щукарева являются продолженіемъ работъ, начатыхъ еще въ прежніе годы. Статья Шварца есть лишь изложеніе брошюры Stumpf'a: „Der Entwicklungsgedanke in der gegenwärtigen Philosophie“. Статьи Лосскаго и Холчева представляютъ слишкомъ специальный интересъ. Не вдаваясь, поэтому, въ ихъ изложеніе, переходимъ къ Ш-ей книжкѣ.

Въ составъ третьей книжки (кн. 58) входятъ слѣдующія статьи: П. И. Новгородцева—„Ученіе Канта о правѣ и государствѣ“ (стр. 315—361); И. И. Иванова—продолженіе статьи предыд. кн.; П. В. Тихомирова — „Гносеологія Рилля“ (стр. 433—491); Н. О. Лоссакаго— „А. А. Козловъ и его пансихизмъ“ (отд. II, стр. 183—206); кн. С. Н. Трубецкого—„Протагоръ Платона въ связи съ развитіемъ его нравственной мысли“ (стр. 207—228); Н. В. Теплова—„Схоластика, какъ культурно - психологическое явленіе“ (стр. 229—251) и А. Дживелегова—„Марксизмъ и критическая философія“ (стр. 253—281).

Г. Новгородцевъ изслѣдуетъ сначала ученіе Канта объ отношеніи права къ нравственности (стр. 315—329), затѣмъ политическую теорію Канта (стр. 329—350) и, наконецъ, ученіе Канта о естественномъ правѣ (стр. 350—361). „Моральность, говоритъ авторъ, опредѣляется, по Канту, наличностью чистаго уваженія къ закону разума; это—долгъ ради долга. Если же это чистое настроеніе воли отсутствуетъ, и законъ исполняется по какому либо внѣшнему побужденію, то въ такомъ случаѣ можно признать только легальность поступка. Отъ этихъ опредѣленій и отправляется Кантъ, когда хочетъ установить связь морали съ правомъ“ (стр. 317). Такимъ образомъ, различіе права и нравственности сводится прежде всего къ различію мотивовъ поступка. Самые же законы юридическіе, на ряду съ этическими, являются законами моральными“ (тамъ же). Это сведеніе права къ нравственности помѣшало Канту понять собственную природу права, и въ переходъ отъ нравственности къ праву онъ допустилъ не мало неясностей и противорѣчій. И въ политической теоріи Канта, по словамъ автора, „сходятся весьма различныя теченія, не всегда примиряясь въ высшемъ синтезѣ“ (стр. 329 и сл.). „Въ области публичнаго права, говоритъ г. Новгородцевъ, Кантъ нашель не только рядъ спорныхъ пунктовъ, но и запасъ готовыхъ формулъ. Онъ нашель здѣсь опредѣленныя схемы, ясно поставленные вопросы и нѣкоторыя общепризнанныя идеи. Содержаніе политической теоріи было ему въ значительной мѣрѣ подсказано господствующими ученіями эпохи. Но онъ не могъ отступить и отъ своихъ собственныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ, получилась доктрина, соединившая въ себѣ разнородные элементы“

(стр. 330). Авторъ наглядно показываетъ, какъ эти различные элементы сливались въ одну сложную доктрину. Вопросъ о естественномъ правѣ, по словамъ автора, лишь Кантомъ выведенъ изъ состоянія той неопредѣленности, въ какой онъ находился у его предшественниковъ, и поставленъ на „ту твердую почву, на которой онъ только и долженъ ставиться“. Въ этомъ случаѣ Канту принадлежитъ неоспоримая и высокая заслуга.

Изъ прочихъ статей этой книжки слѣдуетъ отмѣтить весьма любопытный очеркъ, г. Теплова. О схоластикѣ у насъ вообще такъ мало знаютъ, что всякая попытка освѣтить этотъ предметъ должна быть только привѣтствуема. Авторъ устанавливаетъ три признака схоластики: господство авторитета, подчиненное положеніе философіи по отношенію къ теологіи и опирированіе надъ словами, а не надъ реальными отношеніями, не надъ фактами или вещами въ томъ видѣ, въ какомъ они даются наблюденіемъ. „Господство авторитета, по его словамъ, заключалось въ томъ, что мысль работала не самостоятельно; она принимала безъ провѣрки переданія отъ учителей положенія и лишь старалась изложить, свести, систематизировать, истолковать ихъ. Подчиненность теологіи состояла въ томъ, что по самому назначенію философія должна была служить орудіемъ не столько изысканія истины, сколько истолкованія тѣхъ не подлежащихъ сомнѣнію истинъ, которыя заключены въ священномъ писаніи и твореніяхъ отцовъ церкви; или самое большее, что могла дѣлать философія, это — приводить разумныя, логическія основанія, доказывать тѣ истины, которыя даны безъ доказательствъ вѣроу. Третій признакъ заключался въ томъ, что схоластическая мысль обращалась не къ наличной дѣйствительности, не къ фактамъ, не къ явленіямъ, не къ вещамъ, а къ словамъ. Въ основѣ схоластики лежало не изученіе природы въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, даже и не анализъ нашихъ понятій, а чисто механическое сопоставленіе и систематизированіе ихъ на основаніи правилъ формальной логики“ (стр. 230—231). Иллюстрировавъ эти положенія достаточнымъ количествомъ краснорѣчивыхъ примѣровъ изъ Алкуина, Фредегиза и Луллія, авторъ считаетъ, въ заключеніи статьи, себя въ правѣ сдѣлать слѣдующее обобщеніе: „Тѣ три признака, характеризующихъ схола-

стику, съ которыхъ я началъ свое изложеніе, можно свести къ одному,—къ тому, что схоластика есть продуктъ не органическаго роста одной культуры, а механическаго смѣшенія двухъ культуръ совершенно различнаго уровня,—очень высоко стоящей антично-христіанской и сравнительно очень низко стоящей варварской. Такова, мнѣ кажется, та простая формула, къ которой можно свести опредѣленіе схоластики, заключающее въ себѣ и главные признаки, и объясненіе явленія. Явленіе это культурное и даже не просто культурное, а культурно-психологическое, потому что неспособность малокультурнаго ума не только самостоятельно создать, но и понять уже готовую сложную философскую систему, не смотря даже на то, что онъ посвящаетъ массу времени на изученіе ея, напрягаетъ всѣ силы на ея пониманіе и въ подражаніе самъ пишетъ философскіе трактаты, не имѣющіе однако никакой другой цѣли, кромѣ цѣли самообученія, дисциплинированія своего ума, — это явленіе чисто психологическое, и переводить это явленіе на языкъ какихъ либо другихъ отношеній значило бы, мнѣ кажется, не выяснять, а затемнять его истинныя причины и смыслъ“ (стр. 251). Работѣ г. Теплова никакъ нельзя отказать въ смѣлости замысла и остроуміи выполненія. Съ нимъ даже, пожалуй, можно и согласиться, если его выводы прилагать лишь къ раннимъ схоластикамъ. Но если имѣть въ виду настоящихъ схоластиковъ, тѣхъ, которые вели безконечные споры по серьезному вопросу объ универсаліяхъ, то изображеніе г. Теплова окажется самой безспорной карриатурой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
